

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
15 (78)

ИСТОРИЯ
И ФИЛОЛОГИЯ
СТРАН
БЛИЖНЕГО
ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД
1 9 6 6

КАНДАКА И ПЕРЕЖИТКИ МАТЕРНИТЕТА В КУШЕ

Страбон (XVI. 4. 8), а затем и Плиний (N. H. VI, 186), заимствовавшие свои сведения у Биона, отмечают, что в Куше большим влиянием пользовалась мать царя — кандака. „Они (сембриты) управляются царицей, под властью которой состоит также недалеко от этих мест лежащий на Ниле остров Мероэ“, — пишет Страбон. Рассказывая далее о походе римского полководца Петрония в Напату (XVII. 1. 54), он говорит о матери царя как о „царствовавшей над эфиопами“. Видимо, велико было значение кандаки и позже, ибо она самостоятельно отправляла должностных лиц в другие страны. Согласно евангельскому преданию, посланный ею казначей посещает Иерусалим и крестится здесь у апостола Филиппа (Деяния апостолов VIII. 27).

В настоящее время нет уже никаких разногласий по поводу того, что кандака (Kdke) — не собственное имя, а титул, носимый правящей царицей, обозначающий нечто вроде „царица-мать“.¹ Судя по упоминанию Страбона, а также по надписям Тахарки и Анламани, резиденция кандаки, по крайней мере до VI в. до н. э., находилась в Напате.

С сообщениями обоих античных авторов вполне согласуется то, что мы узнаем из надписей самих кушитских царей: кандака играла какую-то очень важную роль при избрании нового царя. Родством с нею, возможно, и определялся выбор оракула. Быть может, не только совпадением следует объяснить, что сменяли друг друга на престоле не единокровные, а единоутробные братья: Пианхи и Шабак, Шабатака и Тахарка, Анламани и Аспелта.² О последующих напатских царях эти данные, к сожалению, отсутствуют, так же как и об основателях династии Аларе и Каште. Во всяком случае Тахарка счел необходимым увеко-

¹ М. Хвостов. История восточной торговли греко-римского Египта. Казань, 1907, стр. 22, прим. 4; F. Ll. Griffith. Meroitic Inscriptions, Part I. London, 1941, pp. 55, 79; D. Dunham. Royal Cemeteries of Kush, IV: Royal Tombs at Meroe and Barkal. Boston, 1957 (далее: RCK, IV), p. 8; M. F. Laming-Macadam. The Temples of Kawa. Oxford, 1949 (далее: Kawa, I), p. XIII; A. J. Arkell. A History of the Sudan. London, 1961, p. 162; F. Hintze. Studien zur meroitischen Chronologie und zu den Opfertafeln aus den Pyramiden von Meroe. Berlin, 1959, S. 29, Anm. 5. N часто выпадает в кушитских собственных именах (см.: F. Ll. Griffith. Meroitic Inscriptions, Part I, p. 55).

² Kawa I, p. 131.

вечить в своей стеле наряду с важнейшими событиями — избранием на царство и коронацией в Мемфисе — сообщение о свидании с царицей-матерью Абар, прибывшей из Напаты на север. Встреча эта описывается довольно подробно. Видимо, ей придавалось немалое значение.³ Сыновья почтительность была отличительным качеством не только Тахарки. Примерно в тех же выражениях, но только более сжато, отмечается встреча с царицей-матерью Насалсой и в надписи Анламани. К сожалению, нельзя определить, в каком году она составлена, так как начало первой строки основного текста отсутствует, но по контексту видно, что и это свидание связано с коронацией, ибо Насалса подобно Абар „весьма возрадовалась, узрев красу его величества подобно Исиде, увидевшей своего сына Гора, правящего землей“.⁴

Последние археологические открытия дали возможность убедиться, насколько велико было могущество и богатство кандак. Экспедиция, направленная ГДР и руководимая проф. Ф. Хинце, исследовала в Нага так называемый „Восточный храм“,⁵ датируемый II в. до н. э.⁶ Добытые материалы позволили ему установить, что это святилище сооружено не царем, как полагали прежде, а царицей Šnkdḥete (Шанакдахете), хотя в надписях упоминается мужская царская титулатура s3R' nsw bjt, что иногда, впрочем, встречается в мероитскую эпоху⁷ и может служить еще одним подтверждением политического влияния царицы-матери. Очень характерны и рельефы, украшающие стены этого храма. Несмотря на значительные повреждения, все же можно установить, что на них неоднократно повторяется одна и та же сцена: стоящая перед различными богами царица-мать, а за нею ее дети.⁸ В египетской иконографии, как известно, подобные изображения отсутствуют. Не характерно для Египта и строительство отдельных храмов царицами.⁹

В 1958—1960 гг. археологи Службы древностей Судана раскопали в Вад-бан-Нага обширный, по всей видимости двухэтажный, дворец, который, по определению проф. Ж. Веркуттер, принадлежал кандакам.¹⁰ Он был квадратным. Длина наружных стен достигала 61 метра.

³ Kawa I, Inscr. V, 16—22.

⁴ Kawa I, Inscr. VIII, 22—24.

⁵ B. Porter and R. Moss. Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs and Paintings, vol. VII. Oxford, 1951, p. 271.

⁶ F. Hintze. Vorbericht über die Butana-Expedition 1958 des Instituts für Ägyptologie der Humboldt-Universität zu Berlin. Festschrift zur 150-Jahrfeier der Humboldt-Universität zu Berlin, Bd. III, Berlin, 1960, S. 377.

⁷ RCK, IV, p. 47, n. 4.

⁸ F. Hintze. Studien zur мероитischen Chronologie . . . , SS. 37—39, Taf. III—VIII.

⁹ Разумеется, здесь не может идти речь о Хатшепсут и ее храме в Дейр-эль-Бахари. Как известно, она изображалась в облике фараона и надписи составлялись от ее имени в мужском роде.

¹⁰ J. Vercoutter. Un palais des „Candaces“ contemporain d'Auguste (Fouilles à Wad-ban-Naga, 1956—1960). Syria, т. XXXIX, 1962, fasc. 3—4, pp. 263—299.

Нижний этаж имел 45 помещений (в том числе кладовые). К сожалению, план его восстановить не удалось. Остатки настенных росписей, позолоченной штукатурки и золотых украшений подтверждают, что царицы-матери не стеснялись себя в расходах и, видимо, могли позволить себе всю доступную тогда роскошь. Дворец существовал в течение нескольких столетий (I в. до н. э.—примерно по 320 г. н. э.).

Конечно, и в Египте значение царицы-матери было велико. Она имела собственные владения с самостоятельным управлением¹¹ и могла и при жизни своего царственного супруга, как например Ти — жена Аменхотепа III и мать Эхнатона, играть известную политическую роль.¹² Значение царицы определялось, конечно, тем, что она была матерью царя. Недаром в эпоху Нового царства царица-мать носила титул „матери-бога“.¹³ Однако не ею обуславливались обычно права наследования, хотя пережитки материнства в Египте были достаточно сильны, во всяком случае по сравнению с некоторыми другими странами Переднего Востока (например, Вавилоном или Ассирией).

Судя по тому, что нам известно о роли и значении кандаки, а известно пока очень немного, ее положение во многом напоминает положение матери царя или вождя у ряда племен и народов Африки. Здесь мы найдем больше аналогий, чем в Египте. Правда, тут и там, как, впрочем, и у других народов, значение царицы-матери обуславливается тем, что она являлась матерью „живого бога“ — царя. По мнению африканистов-этнографов, ее роль, в частности при смене правителей, определяется не столько пережитками и установлениями материнства, сколько конкретными политическими обстоятельствами, хотя, конечно, приходится считаться и с ними. При распространенной в Африке неограниченной полигамии правителей различных рангов и степеней могущества, многодетности, которая является следствием последней, и отсутствии четкого порядка наследования на долю царицы-матери выпадает обычно очень ответственная задача — обеспечить трон для сына или одного из сыновей. В случае его несовершеннолетия она становится регентшей.¹⁴ И даже после вступления на престол вновь избранного царя его мать занимает очень важное место в политической и религиозной жизни, как это было и есть у некоторых народов Африки, в частности ее северо-восточной части, например шиллуков, каффичо,

¹¹ N. de G. Davies. The Rock Tombs of El Amarna, Part III. London, 1905, Pl. 3, 9, 16, 19.

¹² C. J. Bleeker. The Position of the Queen in Ancient Egypt. The Sacred Kingship. Studies in the History of the Religions. Leiden, 1959, pp. 261—268.

¹³ N. de G. Davies. The Rock Tombs of El Amarna, Pl. 3, 9, 16, 19.

¹⁴ Избрание несовершеннолетнего царя и регентство царицы-матери были, видимо, обычным явлением. Это позволяло высшим сановникам удерживать длительное время фактическую власть в своих руках (R. Felkin. Uganda. Scottish Geographical Magazine, т. II, 1886, p. 208 sq). Так было и в Эфиопии еще в конце XVIII в., согласно свидетельству путешественников-европейцев, например Д. Брюса (G. Sprangus. Züge aus der politischen Organisation afrikanischer Völker und Staaten. Leipzig, 1929, S. 108).

фунджи, некоторых нилотов и т. д.¹⁵ В древнем царстве Мономотапа¹⁶ и в Эфиопии царице-матери отводилась значительная роль: она управляла отдельной областью, имела подданных и свои доходы.¹⁷ У баганда матери царя (номасоле) в каждой области принадлежало свое имение. Она содержала собственный двор и пользовалась большим влиянием.¹⁸ Д. Вестерман указывает, что вообще для африканских государств характерно высокое положение, занимаемое матерью царя.¹⁹

Каковы бы ни были политические причины, определявшие значение кандаки, нельзя недооценивать и влияния пережитков материнства, которые характерны не только для Куша, но даже и для более передового по сравнению с ним Египта.²⁰ Недаром на мероитских жертвенных плитах и стелах имя матери умершего ставится на первое место, а отца — на второе.²¹ Ф. Хинце обратил внимание также на то, что в надписях довольно часто меняется имя одного из супругов. „В настоящее время невозможно определить, служит ли тому причиной брак после развода или смерти кого-либо из них или же в них идет речь о добавочных мужьях, либо женах. Возможно, это явление стоит в связи с существовавшими, вероятно, у мероитов матриархальными отношениями“.²² Впрочем, на длительное бытование последних в Куше давно уже обратил внимание выдающийся русский историк М. Хвостов: „Характерною особенностью политического уклада нильских эфиопов, указывающего также на довольно примитивные политические отношения, являются остатки матриархального строя: мы видим странное преобладание царицы (матери царя) Кандаки над царем“.²³ В этом очень тонком для своего времени наблюдении спорно лишь последнее утверждение.

¹⁵ H. Baumann. Vaterrecht und Mutterrecht in Afrika. Zeitschrift für Ethnologie, 58, 1926, S. 149; W. Hofmayr. Die Schilluk. Mödling bei Wien, 1925, SS. 51 f., 140; D. Westermann. Geschichte Afrikas. Köln, 1952, S. 323; W. Hirschberg. Kultureinflüsse Meroes und Napatas auf Negerafrika. — Wiener Völkerkundliche Mitteilungen, 3, № 1, 1955, SS. 95—97; O. Bieber. Kaffa. Ein altkuschitisches Volkstum in Inner-Afrika, Bd. II. Münster, 1923, S. 66; R. Hartmann. Reise des Freiherrn A. von Barnim durch Nordostafrika. Berlin, 1863, S. 534; J. Czekanowski. Forschungen im Nil-Kongo-Zwischengebiet, Bd. II. Berlin, 1924, S. 561; Bd. I, SS. 218, 255; Ch. Delhaise. Chez les Warundi et les Wahorohoro. Bull. de la Société Royale Belge de Géographie, t. 32, 1908, p. 396; F. Fülleborn. Das deutsche Nyassa- und Rovumagebiet. Berlin, 1906, S. 230.

¹⁶ P. Schebesta. Die Zugehörigkeit der Zimbabwe-Ruinen von Rhodesia zur Manamatapa-Kultur. Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien, Bd. 53, Heft 3—5, 1923, S. 451.

¹⁷ P. Spannaus. Züge aus der politischen Organisation . . . , S. 108; D. Westermann. Geschichte Afrikas, S. 299.

¹⁸ J. Roscoe. 1) The Baganda . . . , p. 237; 2) The Northern Bantu. Cambridge, 1915, p. 21.

¹⁹ D. Westermann. Geschichte Afrikas, S. 39.

²⁰ М. Э. Матгее. Следы матриархата в древнем Египте. Труды Института антропологии и этнографии АН СССР, IV, 1936, стр. 363—390.

²¹ F. Hintze. Studien zur meroitischen Chronologie . . . , S. 12.

²² Там же, стр. 16.

²³ М. Хвостов. История восточной торговли. . . , стр. 22.

Судя по тому, что нам известно из сохранившихся надписей, едва ли имеются основания говорить о подчиненном положении царя. Во всех текстах и изображениях он обычно занимает первое место. На рельефах львиного храма в Нага, о котором упоминалось выше, царица-мать представляет богам не царя, а наследника престола.

Возможно, кандака, принимавшая в случае малолетства престолонаследника активное участие в его избрании, затем, как часто было в Эфиопии и у некоторых других народов Африки, оставалась регентшей вплоть до совершеннолетия царя. Однако нельзя отрицать и того, что царицы могли самостоятельно занимать престол. Не касаясь здесь очень существенных проблем хронологии, связанных с определенным дат правления некоторых из них, и споров, которые они вызвали,²⁴ укажем, что, видимо, именно самостоятельная правительница подразумевается в надписи в храме Дакка,²⁵ посвященном местному богу Пселкиса — Тоту из Пнубса. Она названа *ḥ karia basilikta*, т. е. правящая, властвующая царица, что, видимо, справедливо, ибо посольство, оставшее эту надпись, было послано к Августу ею. В надписи из Мусавварат эс-Суфра, самом южном из известных памятников римской эпиграфики, упоминается *domina regina*,²⁶ которую Ф. Хинце считает „без сомнения правительницей Мероэ“.²⁷

К сожалению, время составления надписи определить невозможно. М. Хвостов полагает, что „по всей вероятности, надпись поставлена римлянином, бывшим на службе у эфиопской кандаки и отправлявшимся послом в Рим. Может быть, здесь есть связь с эфиопским посольством к Августу...“.²⁸ Наконец, о правлении цариц на „острове Мероэ“ рассказывали посланные на разведку Нероном в глубь Африки центурионы, о чем нам сообщает Плиний (Н. Н., VI, 196): „*Regnare feminam Candacen quod nomen multis iam annis ad reginas transisset*“ (Управляет женщина кандака, чье имя переходит в течение многих лет на цариц).

Отсутствие источников не позволяет определить, каков был юридический статус кандаки и как он изменялся на протяжении двенадцати веков существования царств Напаты и Мероэ, ибо трудно допустить, что он оставался неизменным в течение столь длительного срока. Но даже из того немногого, что известно, в особенности при сопоставлении с африканским этнографическим материалом, нельзя не сделать вывода об исключительно важной роли, которая отводилась царице-матери (*resp.*

²⁴ F. Hintze. Studien zur meroitischen Chronologie... SS. 24—29.

²⁵ Corpus Inscr. Graec. III, 5080; L. Mitteis und U. Wilcken. Grundzüge und Chrestomatie der Papyrskunde, I. Bd., 2. Hefte. Lpz.—Berlin, 1912, SS. 10—11; Les temples immergés de la Nubie. Der Tempel von Dakke, т. II par G. Roeder, Le Caire, 1930, pl. 25b; т. III par W. Ruppel, gr. 42.

²⁶ Corpus Inscr. Latinarum III, 83; U. Mouneret de Villard. Storia della Nubia Cristiana. Roma, 1938, p. 17. О спорности ее датировки см.: P. L. Shinnie. A Late Latin Inscription. Kush, IX, 1961, pp. 284—286.

²⁷ F. Hintze. Studien zur meroitischen Chronologie, S. 29.

²⁸ М. Хвостов. История восточной торговли... стр. 71, прим. 2.

царице) в политической и, быть может, религиозной жизни страны;²⁹ во всяком случае она была значительнее, чем в Египте.³⁰ Это, видимо, также объясняется более длительным сохранением в Куше обычаев первобытнообщинного строя с присущими ему установлениями материнства. Приведенные выше примеры обычаев некоторых народов Африки в значительной степени служат тому доказательством.

I. S. Katznelson

LA CANDACE ET LES SURVIVANCES MATRILINÉAIRES EN PAYS KOUCH

Selon les informations transmises par Strabon et Pline et les inscriptions des rois de Kouch, la candace jouait un rôle important lors de l'élection du nouveau roi. Le degré de parenté avec elle déterminait, semble-t-il, le choix de l'oracle. Les données archéologique semblent, de leur côté, confirmer que sa puissance et sa richesse étaient fort importantes (p. ex. le palais de Wadi-Ban-Naga) ce qui permettrait de supposer qu'elle pouvait intervenir activement dans les affaires politiques. Bien qu'on ne connaisse que peu de chose à propos de la candace, les parallèles ethnographiques prouveraient que sa situation avait été semblable à celle de la mère du roi chez de nombreuses tribus africaines. Son importance découlerait du fait qu'elle était considérée comme la mère du „dieu-vivant“, c.-à-d. du roi. En tenant compte de l'existence en Afrique de la polygamie presque illimitée en ce qui concerne les chefs de différents rangs et de nombre de leur enfants, il ne pouvait y avoir aucun ordre net pour la transmission héréditaire du pouvoir. La reine-mère était par conséquent appelée à assurer la sauvegarde du trône pour son fils. Dans le fréquent cas de la minorité de son fils elle devenait ipso facto régente et était admise à participer à la vie religieuse et politique. La position de la candace à Kouch s'explique par la survivance des coutumes de la période dite de la communauté primitive, caractérisées par la présence des institutions matrilineaires.

²⁹ Поэтому никак нельзя признать правильным безоговорочное сопоставление кандаки с амазонками, что иногда допускается (см.: J. H. Dunbar. *The Holy Mountain. Antiquity*, vol. 3, N 12, 1929, p. 409).

³⁰ Так, в анналах Тиглатпаласара III и Саргона упоминаются аравийские царицы Самси и Забаба (D. Luckenbill. *Ancient Records of Assyria and Babylonia*, vol. I. Chicago, 1926, §§ 77, 778, 817; vol. II, Chicago, 1927, §§ 18, 55). В минейской надписи из el-Hiḡr говорится о правительнице города по имени Адаби (D. H. Müller. *Epigraphische Denkmäler aus Arabien*. Wien, 1889, S. 3). Это все дало основание Д. Мюллеру еще в конце минувшего века высказать предположение, что во главе одного из государств северной Аравии стояли женщины (ср.: Ed. Meyer. *Geschichte des Altertums*, Bd. II. Stuttgart und Berlin, 1931, S. 238). Предание о Савской царице, видимо, легенда, но у некоторых арабских племен были царицы, как это следует из annales ассирийских царей.